

FTAHP/ MPHTI / IRSTI 03.20

ӘӨЖ /УДК/ UDC 94. 930:00

<https://www.doi.org/10.51889/2959-6017.2025.85.2.011>

Габдулина А. Ж. *¹, Джон Рэндольф ²

¹к.и.н., ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана, КАТИУ им.С.Сейфуллина, научный стажер Университета Иллинойса (стипендиат Центра международных программ «Болашак»), Урбана Шампейн, штат Иллинойс, США
ainurg@illinois.edu

²ассоциированный профессор, Колледж гуманитарных и естественных наук Университета Иллинойс, директор Центра исследований России, Восточной Европы и Евразии, Урбана-Шампейн штат Иллинойс, США.
jwr@illinois.edu

ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ (1920–1930)

Аннотация

В статье рассматривается феномен детской беспризорности как один из ключевых социальных вызовов, возникших на территории Советского Казахстана в контексте глобальных катастроф начала XX века. Особое внимание уделяется деятельности детских домов как институциональной форме социальной защиты, нацеленной на интеграцию детей, оставшихся без попечения родителей, в новую идеологическую и общественно-экономическую реальность.

Анализ базируется на ранее не опубликованных архивных источниках, статистических материалах, а также документах органов советской власти. Автор исследует системные меры по борьбе с детской смертностью, сиротством и массовым безнадзорным существованием, возникшими вследствие Ашаршылықа, репрессий и дезорганизации традиционного уклада.

В работе также рассматриваются особенности функционирования детских учреждений в условиях тотального дефицита, идеологического контроля и административного давления. Сделан вывод о двойственной роли государства как спасителя и репрессивного регулятора в судьбах беспризорных детей. В статье далее представлен историко-социальный анализ феномена детской беспризорности в контексте глобальных и национальных процессов 1920–1930-х годов. Особое внимание уделяется причинам массовой беспризорности среди детей, вызванной последствиями войн, революций, экономических кризисов и социальной дезинтеграции. Рассматриваются международные тенденции в борьбе с детской беспризорностью, а также особенности государственной политики Советского Союза в отношении беспризорных детей. Анализируются формы социальной помощи, учреждения для детей, идеологические подходы и практики перевоспитания. Работа подчеркивает, что феномен детской беспризорности в указанный период являлся не только социальной проблемой, но и отражением глубинных трансформаций общества, требующих комплексного подхода на межгосударственном и национальном уровнях.

Ключевые слова: история Казахстана, Голод, сталинский режим, дети, смертность, беспризорность, детские дома, сиротство, социальная защита, повседневная жизнь, Казахская степь

А.Ж. Габдулина *¹, Джон Рэндольф ²

¹Тарих ғылымдарының кандидаты, С.Сейфуллин атындағы ҚАТИУ
Қазақстан тарихы кафедрасының қауымдастырылған профессорі,
Иллинойс университетінің тағылымдамасы ("Болашақ" халықаралық бағдарламалар
орталығының стипендиаты), Урбана-Шампейн, Иллинойс, АҚШ
E-mail: ainurg@illinois.edu

²Қауымдастырылған профессор, Иллинойс университетінің Гуманитарлық және табиғи
ғылымдар колледжі, Ресей, Шығыс-Еуропа және Евразия зерттеулер орталығының
директоры, Урбана-Шампейн, Иллинойс штаты, АҚШ
E-mail: jwr@illinois.edu

БАЛАЛАРДЫҢ ПАНАСЫЗДЫҚ ҚҰБЫЛЫСЫНЫҢ ТАРИХИ-ӘЛЕУМЕТТІК ТАЛДАУЫ: ЖАҒАНДЫҚ ЖӘНЕ ҰЛТТЫҚ ӨЛШЕМДЕР (1920–1930)

Аңдатпа

Мақалада ХХ ғасырдың алғашқы ширегінде Қазақстанда кең етек алған балалар панасыздығы мәселесінің тарихи және әлеуметтік қырлары қарастырылады. Автор ашаршылық, ұжымдастыру және саяси қуғын-сүргін салдарынан жетім қалған балаларға қатысты кеңестік биліктің қабылдаған шараларын зерделейді.

Панасыз балаларға арналған үйлер мен интернаттық мекемелердің қызметі, олардың жаңа қоғамға бейімделуіндегі рөлі архивтік құжаттар мен статистикалық мәліметтер негізінде жан-жақты талданады. Сонымен қатар, кеңестік жүйенің идеологиялық сипаттағы тәрбиелеу әдістері мен балалардың күнделікті өмірі арасындағы қайшылықтар көрсетіледі. Мемлекет тарапынан бір мезгілде қамқорлық пен бақылауға алынған балалар тағдыры арқылы тоталитарлық жүйенің әлеуметтік инженерия құралдары ашылады. Мақалада 1920–1930-жылдардағы жаһандық және ұлттық үдерістер контекстінде балалардың қаңғыбастығы феноменіне тарихи-әлеуметтік талдау жасалған. Ерекше назар соғыстардың, революциялардың, экономикалық дағдарыстар мен әлеуметтік дезинтеграцияның салдарынан туындаған балалар арасындағы жаппай қаңғыбастықтың себептеріне аударылады. Балалар қаңғыбастығымен күрестегі халықаралық үрдістер мен Кеңес Одағының қаңғыбас балаларға қатысты мемлекеттік саясатының ерекшеліктері қарастырылады. Әлеуметтік көмек көрсету формалары, балаларға арналған мекемелердің қызметі, идеологиялық ұстанымдар мен қайта тәрбиелеу тәжірибелері талданады. Сонымен қатар, жұмыс аталған кезеңдегі балалар қаңғыбастығы тек әлеуметтік проблема ғана емес, сонымен бірге қоғамдағы терең өзгерістердің көрінісі болғанын және бұл мәселені ұлттық әрі мемлекетаралық деңгейде кешенді түрде шешу қажеттігін айқындайды.

Кілт сөздер: Қазақстан тарихы, Ашаршылық, сталиндік жүйе, балалар, өлім, панасыздық, балалар үйі, жетімдер, әлеуметтік қорғау, күнделікті өмір, Қазақ даласы

A.Gabdulina¹, John Randolph²

¹PhD, Associate Professor of the Kazakhstan History Department,
S. Seifullin Kazakh Agro Technical Research University, Scholar at the University of Illinois
("Bolashak" Centre for International Programs), Urbana-Champaign, Illinois, US
ainurg@illinois.edu

²Associate Professor, College of Liberal Arts and Sciences at the University of Illinois at Urbana-Champaign, Director of the Centre for Russian, East European and Eurasian Studies, Illinois, USA.
Email: jwr@illinois.edu

HISTORICAL AND SOCIAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF CHILD HOMELESSNESS: GLOBAL AND NATIONAL DIMENSIONS (1920–1930)

Abstract

This article examines the phenomenon of child homelessness in Soviet Kazakhstan during the interwar period as a complex socio-political challenge rooted in famine, forced collectivization, and political repression. Particular focus is placed on the role of orphanages and state-run institutions designed to protect and re-educate children abandoned by circumstances.

Drawing on previously unpublished archival records, statistical data, and state reports, the author analyzes the mechanisms of social response to mass orphanhood and mortality.

The article explores the paradox of the Soviet system acting both as a savior and an authoritarian force, imposing ideological conformity on traumatized children. The findings underscore the broader context of state control over vulnerable populations in the formation of the new Soviet society. The article presents a historical and social analysis of the phenomenon of child homelessness in the context of global and national processes of the 1920s–1930s. Particular attention is given to the causes of mass child homelessness, which resulted from the consequences of wars, revolutions, economic crises, and social disintegration. The article examines international trends in addressing child homelessness, as well as the specific features of the Soviet Union's state policy toward homeless children. It analyzes forms of social assistance, child welfare institutions, ideological approaches, and practices of re-education. The study emphasizes that child homelessness during this period was not only a pressing social issue but also a reflection of profound societal transformations that required a comprehensive approach at both national and international levels.

Keywords: history of Kazakhstan, Starvation, Stalinist regime, children, mortality, homelessness, orphanages, orphans, social protection, everyday life, Kazakh Steppe

Введение.

Феномен детской беспризорности представляет собой сложное социальное явление, имеющее глубокие исторические корни и разнообразные формы проявления в различных странах. В мировой практике можно наблюдать различные модели борьбы с беспризорностью, каждая из которых отражает специфику социально-экономического и культурного развития государства. Например, в Великобритании институт усыновления долгое время носил дискриминационный характер, а многие сироты были вынуждены заниматься низкоквалифицированным трудом, таким как продажа газет или чистка обуви. В США же получила распространение система фостерных семей, которая, однако, не сразу стала эффективным инструментом социализации беспризорных детей.

Согласно современным социологическим исследованиям, детская беспризорность определяется как состояние полного отрыва несовершеннолетнего от семьи, сопровождающееся утратой постоянного места жительства и рода занятий. Это явление рассматривается как крайняя форма безнадзорности, возникающей вследствие ослабления родительского контроля или отсутствия опеки. Беспризорность не только препятствует гармоничному развитию личности, но

и способствует формированию девиантных моделей поведения, что в долгосрочной перспективе угрожает социальной стабильности.

В Республике Казахстан проблема детской беспризорности остается одним из наиболее острых индикаторов социального неблагополучия. По данным официальной статистики, в 2017 году количество беспризорных детей в возрасте до 14 лет составляло 6300 человек. Однако реальные масштабы проблемы значительно шире, поскольку в эту категорию не включены дети из маргинальных семей, где родители страдают алкогольной или наркотической зависимостью. По экспертным оценкам, фактическое число таких детей может превышать официальные показатели в 5–6 раз.

Беспризорность и безнадзорность являются ключевыми факторами роста подростковой преступности, что создает угрозу национальной безопасности. К 2022 году количество зарегистрированных беспризорных детей сократилось до 1700, однако данная статистика не учитывает детей, формально имеющих родителей, но фактически лишенных должного надзора.

Государственная политика Казахстана в сфере защиты прав детей включает меры по изъятию несовершеннолетних из неблагополучных семей и их размещению в детских домах и интернатах. Однако данная система сталкивается с рядом системных проблем. Во-первых, условия в детских учреждениях зачастую не способствуют успешной социализации воспитанников. Исследования показывают, что около 60% выпускников детских домов впоследствии вовлекаются в преступную деятельность или ведут асоциальный образ жизни. Во-вторых, в обществе сохраняется стигматизация сирот, что усложняет их интеграцию во взрослую жизнь.

Несмотря на существующие недостатки, в Казахстане развивается практика благотворительной помощи детским учреждениям. Примером может служить деятельность организации «Астана-журек», оказывающей поддержку детям с интеллектуальными нарушениями.

Особый интерес представляет исторический опыт СССР 1920–1930-х годов, когда в условиях послевоенной разрухи и голода была предпринята масштабная кампания по ликвидации беспризорности. Несмотря на жесткие методы, включая репрессии против так называемых «кулаков» и «контрреволюционеров», советская система смогла значительно сократить число беспризорных детей. Анализ данного опыта может быть полезен при разработке современных социальных программ.

В Великобритании институт усыновления приобрел законодательную базу лишь к середине XX века. До этого времени отсутствие четких правовых норм позволяло биологическим родителям оспаривать усыновление, что создавало правовую неопределенность для приемных семей. В США фостерная система, хотя и получила широкое распространение, изначально не обладала достаточной эффективностью из-за отсутствия комплексного подхода.

Таким образом, проблема детской беспризорности требует комплексного решения, включающего не только государственные меры, но и активное участие гражданского общества. Опыт различных стран демонстрирует, что успешная социализация беспризорных детей возможна лишь при условии создания прозрачной системы опеки, развития института приемных семей и преодоления социальной стигматизации сирот.

Детская беспризорность в условиях социальных катастроф начала XX века: сравнительный анализ США и СССР.

Проблема детской беспризорности в периоды социально-экономических кризисов приобретает особую остроту, требуя комплексного анализа исторических прецедентов и механизмов её преодоления.

Начало XX века стало временем масштабных потрясений как для Советской России, так и для США, где последствия гражданских конфликтов и экономических коллапсов привели к резкому росту числа детей, оставшихся без попечения родителей.

В данной статье рассмотрены ключевые аспекты борьбы с беспризорностью в двух сверхдержавах СССР и США, также выявлены общие черты и принципиальные различия в подходах к решению этой проблемы.

С установлением советской власти в СССР, в 1918 году был издан Декрет об учреждении Совета по защите детей, однако реализация этой инициативы столкнулась с катастрофическими последствиями Гражданской войны и последовавшего за ней голода. Согласно документам Центрального государственного архива Республики, Казахстан [1], в 1919–1922 годах Степной край пережил три волны массового голода, унесшего жизни около 1,5 млн человек. Особенно тяжелой оказалась ситуация среди детского населения, оставшегося без средств к существованию.

В отличие от США, где беспризорность после Гражданской войны носила локальный характер, в СССР она приобрела форму национального бедствия. По данным Народного комиссариата социального обеспечения [2], к 1922 году число беспризорных детей в стране достигло 7 млн, что в десятки раз превышало аналогичные показатели в Америке.

В США проблема детской беспризорности обострилась после Гражданской войны (1861–1865 гг.), когда тысячи детей оказались выброшены на улицы крупных городов. По данным New York Children's Aid Society (Annual Report, 1875, p. 8), только в Нью-Йорке насчитывалось более 30 тыс. беспризорных, многие из которых занимались попрошайничеством, воровством или вовлекались в криминальные группировки.

В 1853 году филантроп Чарльз Лоринг Брейс инициировал программу "Orphan Trains" ("Сиротские поезда"), предполагавшую массовое перемещение детей из перенаселенных городов Восточного побережья в сельские районы Среднего Запада. Как отмечает историк Стивен О'Коннор (O'Connor, 2001, p. 45), эта система, несмотря на благие намерения, часто превращалась в форму эксплуатации: детей забирали в семьи преимущественно для выполнения тяжелого физического труда [3].

Католическая церковь, критикуя эту практику, создала альтернативную систему приходских интернатов, крупнейшим из которых стал "Catholic Protectory" в Бронксе [4]. К 1929 году программа "Orphan Trains" охватила около 250 тыс. детей, заложив основы современной системы фостерного воспитания в США [5].

Материалы и методы.

Материалы. Обоснованность результатов исследования обеспечена введением в научный оборот новых исторических источников, представленных делопроизводственной документацией объединенного государственного политического управления (ОГПУ), (материалы РГАСПИ, фонда Ф.17.Оп.42., Д.80. Л.17-17 об.), а также материалами фондов АП РК (Ф.141. Оп. 1., Д. 5372), ЦГА РК. (Ф.1179. Оп.5. Д.1), ГА РФ Ф.1235. Оп. 141. Д.1533), также анализом источников по отдельным проблемам истории детской беспризорности в период сталинизма.

Источниковедческая значимость данных материалов заключается в их непосредственной связи с механизмами репрессивной политики в отношении несовершеннолетних в 1920–1930-е годы, особенно в контексте последствий Ашаршылыка и коллективизации.

Материалы данного исследования составляет база, основанная на социальном конструкционизме, и акцентирует внимание на социальной практике как ключевом концепте. Это действительно интересный подход для анализа сопротивления в контексте политической трансформации.

Феномен вредительства как способа исследования характеристик политического режима добавляет глубину в понимание механик власти и взаимодействия в обществе. Можно выделить несколько важных аспектов, таких как, например, социальная практика. Важно рассмотреть, как именно различные формы сопротивления (саботаж, вредительство) возникают из социальных контекстов и как они влияют на политическую динамику.

Условия формирования социальных представлений как исторические, культурные и экономические факторы формируют восприятие власти и легитимности.

Таким образом, основным методом изучения данной темы стали решения проблем социально-политического взаимодействия, таких как сопротивление, который стал источником изменений в политической системе или, наоборот, привел к ее репрессии.

Методы. Важным методологическим направлением исследования выступает междисциплинарный подход, опирающийся на принципы социальной истории, исторической антропологии и теории политической власти.

Теоретическая рамка построена на основе социального конструктивизма, который рассматривает реальность как производную от социальной практики и интерпретации. Данный подход позволяет анализировать феномен беспризорности не только как демографическое последствие, но и как социальную категорию, формируемую государственными институтами и культурно-политическим дискурсом эпохи.

Дополнительную эвристическую ценность представляет анализ феномена «вредительства» и саботажа как форм сопротивления тоталитарной системе. Эти действия, как правило, трактовались официальной властью как проявления антигосударственной активности, но с точки зрения социальной истории могут быть осмыслены как проявление глубинных структур недоверия, маргинализации и стихийного протеста. В таком контексте детская беспризорность интерпретируется как симптом не только социального кризиса, но и механизма воспроизводства власти через институты социальной изоляции и перевоспитания.

Методы исследования включают в себя такие методы как историко-сравнительный анализ, применяемый для сопоставления практик детской социальной защиты в Казахстане и других республиках СССР; контент-анализ официальных документов, телеграмм, протоколов и статистических отчетов органов НКВД и НКП; нарративный анализ свидетельств, отражающих повседневность детей в учреждениях социальной опеки; структурно-функциональный подход, позволяющий рассмотреть государственные механизмы управления маргинализированными группами.

Кроме того, в работе применяются элементы критической дискурс-аналитики для выявления скрытых значений и идеологических конструкций в официальной риторике о «воспитании нового гражданина».

Методологическая гибкость позволяет проследить взаимосвязь между социальной практикой, административными регламентами и культурной трансформацией детства в условиях политического кризиса.

Контроль и обсуждение.

Проведенный анализ данного исследования позволяет по-новому осмыслить динамику детской беспризорности в Казахстане в контексте последовательных социальных катастроф. В научной литературе этот период традиционно рассматривается фрагментарно, тогда как данное исследование архивных материалов позволяет выявить системную взаимосвязь между политическими решениями, экономическими факторами и демографическими последствиями.

Особого внимания заслуживает вопрос о кумулятивном воздействии последовательных кризисов. В отличие от европейских стран, где последствия Первой мировой войны постепенно преодолевались в 1920-е годы, тогда как Казахстан столкнулся с уникальной ситуацией наложения четырех катастроф:

Этот "эффект домино" требует пересмотра традиционных оценок демографических потерь. Если в европейской части России пик беспризорности пришелся на 1921-1922 гг., то в Казахстане мы наблюдаем две выраженные волны с различными характеристиками.

Дискуссионным остается вопрос об эффективности созданной системы детских учреждений. С одной стороны, количественные показатели (575 детдомов в 1922 г.) свидетельствуют о масштабности предпринятых мер. Однако качественный анализ выявляет системные проблемы:

- Финансовая децентрализация в 1932-1933 гг., когда фактическое исполнение бюджета составило лишь 33,9% от плановых показателей, создала порочный круг:

А) Невыплата зарплат - текучесть кадров - падение качества обслуживания

Б) Задержки поставок - голод в учреждениях - рост смертности

- Логистические проблемы (особенно в отдаленных районах) носили не технический, а системный характер. Как показывают архивные материалы, наряды на продукты между соседними учреждениями могли идти до 15 дней, что ставит под сомнение тезис о "централизованном управлении".

Особую дискуссию вызывает сравнительный анализ применяемых методов, когда как «Патронатная система» (распределение по 1-2 ребенка на хозяйство) демонстрировала относительно лучшие результаты (23% рецидивов против 41% в трудовых коммунах). Однако это требует критического осмысления: возможно, это были низкие показатели рецидивов связаны с недостаточным учетом "возвратов" детей. В СССР – это были Трудовые коммуны, несмотря на официальную риторику о "перевоспитании трудом", фактически становились институтами социальной изоляции. Архивные данные (ГАРФ) свидетельствуют, что до 60% их выпускников впоследствии попадали в систему ГУЛАГа.

Географический анализ выявляет существенные различия между городами Казахстана, так как крупные города показывали более положительный эффект нежели это касалось отдаленных регионов. Дело в том, что городские центры такие как Петропавловск, Семипалатинск демонстрировали относительно лучшие показатели за счет, прежде всего, близости к транспортным узлам, концентрации ресурсов и контроля со стороны центральных органов. Что касается отдаленных районов, особенно таких как Каркаралы, Абралы, то они превращались в "черные дыры" системы, где смертность достигала 40%, периоды голодания длились до 6 дней, наблюдались случаи каннибализма (отдельные докладные записки ОГПУ).

Современная историография предлагает несколько конкурирующих объяснений такие как "административная гипотеза" (видит причины в некомпетентности местных органов), "ресурсная теория" (акцентирует объективную нехватку средств) и "политический подход" (трактует как сознательную политику).

Данное исследование рассмотрено с синтетической позиции, именно сочетание этих факторов создало уникальную картину, которая раскрыла масштабы катастрофы в Казахстане. Потенциальным направлением в данном исследовании видится микроисторическое изучение отдельных учреждений, при котором был проведен компаративный анализ с изучением опыта других регионов СССР и исследование долгосрочных последствий демографической структуры изучаемого периода.

Представленные материалы ставят под сомнение традиционные нарративы о "преодолении беспризорности" к середине 1930-х годов. Фактически, можно наблюдать не ликвидацию, а трансформацию проблемы от явной беспризорности к институционализированным формам социального сиротства. Без сомнений, это требует переосмысления всего советского опыта социальной политики 1920-1930-х гг.

Последствия военно-политической, социально-экономической ситуации в Казахстане разрушительно повлияли на Степной край. Так, в Туркестанском крае, в Аулие-Атинском уезде была разрушена система жизнеобеспечения как социально, так и экономически. Его причиной стало то, что казахи вынуждены были оставить свои насиженные места, хозяйство, оставшуюся живность и обратиться в бегство из-за сильнейшей нехватки продовольствия, которая была связана с июньским указом царя Николая II от 1916 года о мобилизации мужского населения на тыловые работы. Все это явилось следствием политики царского правительства Российской империи, когда урожай еще не был убран, а весь скот был насильно передан в правительственные войска.

С приходом большевиков к власти, в Советском Союзе тяжелая ситуация складывалась везде, один из первых страшный голод ощутил Казахстан, здесь голод в 1920-1922 гг., унес жизни более 1,3 млн. жизни в Казахстане. Так, в Акмолинской губернии ранее имевшем репутацию плодородного района голод приобрел огромные масштабы. Голодающие, в особенности Асан-Кайгинской и Сары-Аркинской, направлялись в Акмолинск, пытались прокормить себя и найти выход из бедственного положения. Детские дома, интернаты были переполнены беспризорными детьми. Население употребляло в пищу кошек, собак, различные суррогаты.

К лету 1922 года во всех крупных газетах страны были опубликованы сводка инспекции о детской беспризорности и преступности. С 1920 года количество голодающих очень быстро росло. Так, к декабрю 1921 г. беспризорных детей в Казахстане насчитывалось 128000 чел., а уже к 31 декабря того же года — 158000, в январе 1922 г. количество беспризорных увеличилось и насчитывалось 333043 детей [4, 9].

В августе 1921 года Советское правительство рассматривало вопрос о положении детей и молодежи в губерниях республики. В докладе члена Президиума А. Айтиева отмечалось: «132 детдома, в которых находится 44698 детей. Имеется острый недостаток одежды, питания, обуви, посуды. Заболевание среди детей велико: дизентерия, тиф, холера» [9; 71].

В 1922 г., Комиссией по борьбе с последствиями голода в Казахстане были выявлены «219328 беспризорников, для помощи которым была разработана специальная программа с выделением материальных средств. В пяти губерниях были открыты 575 детских домов, 9 детских приемников» [9; 363].

В 1922 г. только в Акмолинской губернии насчитывалось 14 детских домов, где находились 9426 детей, и 4 приюта для содержания младенцев с грудного возраста до 3 лет. Как констатируют источники, «детская смертность была высокой и достигала 40%» [10; 42]. В 1922 г. среди населения г. Петропавловска насчитывалось 300 детей для прокормления. Детские дома были ликвидированы из-за нехватки выделяемых средств государством, сироты были перераспределены среди населения волостей «по 1–2 человека на каждое трудовое хозяйство в количестве 1000 человек. Численность детей составляла: Петропавловск — 1396, Кокчетав — 450, Атбасар — 300, Черлак — 150 человек. Всего 2596 детей» [5; 54].

В целом, детская беспризорность в КАССР, несмотря на все усилия Народного комиссариата просвещения и Центральной детской комиссии при КазЦИК, продолжала оставаться острым вопросом. Как одни из мер по борьбе с детской беспризорностью были организованы детские приемники, увеличивалось число детских домов

Голод 1921-1922 годов настиг и регионы Западного Казахстана, а именно Оренбургскую, Актюбинскую, Уральскую, Кустанайскую, Букеевскую губернии, в том числе Адаевский уезд.

Как следствие вышеуказанных событий в период прихода к власти большевиков, массовый голод 1931-1933 годов охватил всю казахскую землю. Так, в одной из докладных записок совнаркома КазАССР в СНК РСФСР отмечалось крайне тяжелое положение откочевников. По данным откочевниками затронуто 71 район, из них 50 кочевых и полукочевых и 21 оседло-земледельческих районов. Особенно поражены откочевниками районы Южно-Казахстанской области, Алма-Атинской области, западная часть Восточно-Казахстанской области, южная часть Актюбинской областей, южная часть Карагандинской области и несколько районов Западно-Казахстанской области. При этом наиболее пораженными из земледельческих районов являются, например, Аулие-Атинский, Талды-Курганский, Меркенский, Таласский, Чуйский, Сузакский, Курдайский, Илийский, Карагальский, Семиозерный и т.д. [5, 10]

На основе материалов исследования архивных материалов было выяснено о работе с беспризорничеством с сводной комиссией в областях КАССР. Так, на востоке Казахстана только официально числилось около 500 неохваченных обслуживанием детей, частью из других областей и находящихся на станциях железных дорог, пристанях, частью несовершеннолетних правонарушителей, бегущих из детдомов [6,11]. Этим, последних, до организации специальной трудовой колонии, областной ДТК передавали на предприятия, учебу, организовывали для них особые рабочие комнаты. Однако разного рода патронирование детей было развернуто недостаточно, в следствии бездействия инспекции труда и земотделов.

Финансирование детских учреждений до 1 июля 1933 полностью не было переведено на областной бюджет – часть районов продолжала финансироваться из районного бюджета, и вследствие, слабости последнего, в ряде районов финансирование детдомов проходило крайне неудовлетворительно. В таких районах, как Каркаралы, Абралы, Кувск, Чингистав, Бескарагай, Улан финансирование приходило с большим опозданием и крайне мало, что влекло к срыву детского питания и голоду среди детей [7,17]. Кроме того, невыплаты заработной платы по 5 месяцев приводили к большой текучести кадров квалифицированных работников в детдомах.

Обеспеченность по средствам из районов поступала весьма слабо, поэтому в областных ДТК было временно прекращено финансирование некоторых районов. Так, снабжение хлебом было крайне неудовлетворительным. К примеру, 2 мая 1933 года телеграфом было дано распоряжение об отпуске детдомам авансом хлеба за 10 дней (в Жарминском районе этот наряд был получен только через 14 дней) и остальные майские наряды на хлеб были даны и сделаны только 27 мая. В результате этого детские дома по несколько дней сидели без хлеба, а в Жамре отравилось 30 детей мельничной пылью, которую они самовольно собирали [8, 29].

Из всех районов области наиболее неудовлетворительными по снабжению были Абралинский, Чингистауский, Каркаралинский, Жарминский по причине отдаленности от областного центра. Отпущенные в эти районы продукты по 2-3 месяца лежали на складах в г. Семипалатинске, и только репрессивными мерами, силами областного ДТК продукты направляются в нужные районы. Из-за отсутствия продуктов в Абралинском районе в апреле вовремя 6-дневной голодовки умерло 19 детей [9,34].

Расследование показало, что в г. Семипалатинске по детским домам была следующая ситуация: 1) недодача продуктов, например, за 2 квартал 275 кг сахара, 257 кг растительного масла, 5 кг чая, 13 кг сливочного масла. И, все это в результате отсутствия контроля и учета со стороны отдела народного образования и снабжающих организаций. 2) произвольные цифры контингента – заявки на снабжение на 2300 детей, когда фактически было 2800 человек [9, 35]. 3) задержку со спуском нарядов. Так, наряд на крупу от областного снабжения в отдел заготовительного зерна с одной улицы на другую шел 15 дней, а в Заготзерно, в свою очередь, был задержан на 10 дней до прихода бригады [9,35]. 4) полное отсутствие забот о питании детей со стороны городского отдела образования.

Областное ДТК отметило тенденцию некоторых районных организаций расходовать продукты детского питания на собственные нужды (Каркаралы, Абралы, Чингистав). В тех детдомах, где было развёрнуто хозяйство – Шемонаиха, Бел-Агачская коммуна им. 1 мая и др., где была налажена тесная связь с общественностью и где со стороны отделов народного образования шло снабжение детей продуктами питания.

Состояние обеспечения обмундированием детей детских домов, особенно сельских районов было крайне критическим. На 1933 год было отпущено на 35 000 руб., тогда как по исчислениям областного ДТК требовалось промтоваров на 1. 200 000 руб. Городские центры (Семипалатинск, Павлодар, Усть-Каменогорск, Зайсан, Риддер) выходили из положения путем получения мануфактуры из различных фондов, к примеру, в мае через Хлопоксбыт было получено на 20 000 руб, через Швейсбыт на 6000 руб., и т.д. Значительно хуже обстояло с обувью для детей, только за 1933 год было отпущено всего 1700 пар [10, 32].

Смертность шла главным образом за счет вновь собираемых крайне истощенных детей, особенно грудного возраста, а также по причине недоедания детей и слабости медработников; общее число заболевших в течение года, в области на 1.07.1933 – 712 человек, тархемой – 120 человек, туберкулезом – 52 человек, желудочными заболеваниями – 250 человек, прочими – 140 детей. Усилилось заболевание паршой (стригушим лишаем и пр.); в целях борьбы с этим приступили к организациям детского изолятора для больных лишаем на 150 человек [11,24].

Из докладной записки о состоянии детдомов в КАССР от 3 апреля 1933 года в Москву (секретно) отмечалось, что положение беспризорных детей в Казахстане очень тяжелое. Приток последнего времени не прекратился, он доходит до 60 000 человек. На 1 апреля 1933 в детдомах по официальным оценкам насчитывалось 58000 и плюс около 3500 нужно было подобрать с улиц. Детдома в громадном своем большинстве не могут называться ими, так как они находились в ужасном положении. Помещения не приспособлены, переполнены выше всяких мер. Постельные принадлежности являются величайшей редкостью в этих домах, одежда и обувь отсутствуют, на детях – по одной рубашке, смены нет, спят на голом полу, 1 кошма является роскошью, перевозят в детдома или баню как дрова, покрытые кошмами, одеялами или другим тряпьем. Питание детей местами просто преступное. Наряды даются урезанные, очень поздно, часто необеспеченные фондами, нет никаких норм и порядке речи не могло быть. Нет никакого контроля за отпуском продуктов и за их расходом в детдомах.

Широкое поле хищений Степного края, финансирование детдомов, например, за 1932 год детдома получили из причитающихся ассигнований от всех источников в Казахстан вместо 4,579 000 руб., принятых Правительством Казахстана только 1, 545 000 руб., или 33,9%. Вся тяжесть финансирования Казахское Правительство переложило на средства Деткомиссии ВЦИК, которая перевела в 1932 году вместе с миллионом фонда имени Ленина 3524,300 руб., и краевой ДТК 500 000 (с лишним) руб., что вместе взятое представляет сумму более четырех миллионов руб., которые КазНарокомфин вложил в Казбюджет, и средствами центра, КазДТК покрывал бюджеты Казахстана, а средства Края отсутствовали, что стало колоссальной финансовой катастрофой для детдомов [11,25].

Детдома остались без оборудования, без топлива, а дети – без одежды, белья, обуви, постели, большую часть без продуктов питания, что даже те крохи, которые доходили до детского дома и было нечем выкупить, в результате чего в громадном количестве детдомов большая смертность детей, о воспитании говорить не приходится. Кроме того, Казнаркомпрос и его органы на местах расхитили все средства, предназначенные для детдомов [11,27].

В 1933 году КазНАРКФ передала финансирование детдомам, а места, по имеющимся сведениям фактически выполнили финансирование детдомов на первый квартал на 40-50%, из расчета на контингент 40 000 человек. В результате детдома не могут выкупить даже тех немногих денег, которые доходят до них. Например, детдома г.Алматы – столицы, не могли выкупить в 1-ый квартал своих продуктов. Одного мяса не выкуплено 844-килограмма [11,27]. В целом, в Степном крае не было ни одного ответственного лица, ведущего оперативную работу с беспризорностью: самотек и обезличка во всем крае.

Деткомиссия, возглавляемая ОГПУ обезличена, штат урезан до степени неадекватности. Со своими задачами часового, охраняющего детей, деткомиссия не справилась. ОГПУ пропустило финансирование и снабжение.

Результаты исследования.

В краевом комитете ВКП(б) был поставлен вопрос о беспризорности, где было принято решение об устранении основных причин бедствия. В соответствии с Постановлением Крайкома

был укреплен специальный аппарат в НКП в областях для ответственной оперативной работы по борьбе с беспризорностью, укреплен Казкрайдеткомиссия в лице двух инспекторов.

Однако некоторые общественные организации так и бездействовали, такие как ОДД и РОКК бездействовали.

Некоторая положительная динамика произошла в столице, так в г.Алма-Ата, в детдоме №4, тов. Мартынова А.Ф. заведующая детским учреждением и ее сотрудники, приложили все усилия, чтобы 94 ребенка этого детдома были обуты, одеты, накормлены, помогли их избавить от вшей, чесотки, парши и др. болезней. В связи с этим, Президиум ВЦИК премировал Мартынову А.Ф. в размере 500 руб. и грамотой (№948 Докладная записка Председателя ДТК ВЦИК Президиуму ДТК о состоянии детдомов в КАССР, г.Москва, не ранее 3 апреля 1933 г. ГАРФ. Ф.1235. Оп. 141. Д.1533. Д. 46-46) [12, 46].

В это же время Рыскулов Т., как Председатель на заседании комиссии ВЦИК по вопросу об оказании помощи Казахской АССР и другим районам РСФСР для устройства беспризорных детей предложил утвердить сумму, которые необходимо перевести из средств бюджета для устройства беспризорных детей казахов (из протокола заседания комиссии Т.Рыскулова по вопросу об оказании дополнительной помощи Казахской АССР и другим районам РСФСР для устройства беспризорных детей [13, 49]. г. Москва, 11 апреля, 1933. ГАРФ. Ф.1235. Оп. 141. Д.1533. Л.1.):

Киргизской АССР	200 тыс. руб.
Средне-Волжскому краю	200 тыс. руб.
Западно-Сибирскому краю	200 тыс. руб.
Северо-Кавказскому краю	200 тыс. руб.
Республике Немцев Поволжья	200 тыс. руб.
Казахской АССР	500 тыс. руб.

Представленный Деткомиссией ВЦИК проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об оказании дополнительной финансовой помощи Казахской АССР и другим районам – в основном, принять, обсудив дополнительно в комиссии т.Рыскулова вместе с заинтересованными ведомствами вопрос об отнесении содержания дополнительного контингента детей в детдомах Казахской АССР в количестве 24,456 человек за счет деткомиссии, Наркомпроса, Наркомздрава, Всеросоцстраха и органов Казахской АССР. Данный проект был утвержден Президиумом ВЦИК [13, 51].

Весной 1933 года вопрос о детской беспризорности стоял в Краевом комитете ВКП (б), где из протокола №139 (№947) заседания был рассмотрен данный вопрос, в частности, по численности беспризорных детей в Степном крае [14, 139]. (г.Алма-Ата, 1 апреля, 1933. ГАРФ. Ф.1235.Оп.141. Д.1533. Л.139-139 об. Копия.

Установленный контингент детской беспризорности в областях Казахской АССР:

ВКО	10500
ЗКО	3900
Карагандинской	13000
Актюбинской	5000
Алма-Атинской	12000
Южной	15000

Уже в мае 1933 года заседанием Президиума ВЦИК было предложено выделить дополнительные средства на мероприятия по оказанию помощи детям:

А) на содержание детей 11900 детей в детдомах Казахской АССР выделить: 4998 руб.

Б) на содержание 3425 детей в Средне-Волжском, Западно-Сибирском краях и Киргизской АССР 1.200.200 руб.

В) На организацию доп.помощи детям в Северо-Кавказском крае 400.000 руб.

Г) на организацию доп.помощи детям в АССР Немцев Поволжья 150.000 руб.

В соответствии с Постановлением СНК Союза ССР было решено увеличить контингенты воспитанников в детдомах Казахской АССР с 35.535 человек до 60000 и был определен размер необходимых средств на финансирование дополнительного контингента детей в сумме 6.810.375 руб., из коих 3.810.375 руб., за счет следующих источников:

- А) Деткомиссии при ВЦИК – 1.000.000 руб.
- Б) Еаркомпроса РСФСР - 750.000 руб.
- В) Наркомздрава РСФСР – 750 000 руб.
- Г) Бюджета Казахской АССР – 1.310.375 руб.

Рассматривая протоколы заседаний органов власти РСФСР и КАССР, в котором решались вопросы помощи детям-беспризорникам, параллельно можно увидеть картину происходящих событий о состоянии детдомов от врачебного персонала, на примере, Жарминского, Кокпектинского, Усть-Курчумского районах Восточно-Казахстанской области.

Так, летом 1933 года врач Геращенко отмечал, что в Жарминском районе деткоммуна им. 15 годовщины Октябрьской революции [14, 74].

Заключение.

Борьба с детской смертностью и беспризорничеством в Казахстане в 1920-1930-е годы была важной частью государственной политики в рамках сталинского режима. Этот период характеризовался сложными социальными и экономическими условиями, вызванными коллективизацией, голодом, репрессиями и изменениями в сельском хозяйстве. В результате этих событий значительное количество детей оказывалось беспризорными, а уровень детской смертности оставался высоким.

Таким образом, основные выводы по исследованию, которые можно сделать, что в 1930-е годы в Казахстане сталинские репрессии имели катастрофические последствия для многих семей. Репрессированные родители оставляли детей сиротами, а массовые ссылки и раскулачивания приводили к разрушению традиционного уклада жизни. Это, в свою очередь, способствовало росту числа беспризорных детей.

Одним из ключевых факторов, усугубивших ситуацию с детской смертностью, был массовый голод 1932-1933 годов, особенно тяжелый в Казахстане, где погибли миллионы людей. Дети были особенно уязвимы к голоду, что привело к резкому росту детской смертности в этот период.

Сталинский режим осознавал проблему беспризорности и принял ряд мер по ее решению. Основным методом борьбы стало создание детских домов и интернатов, где детей обучали и воспитывали в духе социалистической идеологии. Однако эти меры часто были недостаточно эффективными из-за нехватки ресурсов, недостатков в управлении и низкого уровня жизни.

В целях снижения детской смертности правительство вводило реформы в области здравоохранения. Были созданы специальные программы по охране материнства и детства, улучшалась медицинская инфраструктура, вводились системы вакцинации и профилактики заболеваний среди детей. Эти меры начали давать результаты к концу 1930-х годов, когда удалось снизить уровень смертности.

Школы и воспитательные учреждения в 1930-е годы играли важную роль в социализации беспризорных детей. Воспитание в духе советских ценностей, трудовое обучение и пропаганда коллективизма помогали интегрировать детей в новую социалистическую систему.

Борьба с детской смертностью и беспризорностью в Казахстане в 1920-1930-е годы представляла собой сложный и многоплановый процесс, обусловленный тяжелыми социально-экономическими условиями. Несмотря на усилия советского государства по созданию системы социальной защиты и медицины, ни одна из мер не могла полностью решить проблему в условиях массового голода, репрессий и общего социального кризиса.

Тем не менее, к концу десятилетия благодаря мерам в области здравоохранения и социального воспитания удалось частично стабилизировать ситуацию и сократить число беспризорных детей и уровень детской смертности.

Список использованной литературы:

1. ЦГА РК, фонд 81, оп. 1, д. 124, л. 15–18
2. ГАРФ, фонд А-413, оп. 2, д. 56, л. 3

3. CRNIC M., CONNOLLY C. «They can't help getting well here»: Seaside hospitals for children in the United States, 1872-1917 // *J. of the history of childhood a. youth.* - Baltimore (Maryland), 2009. - Vol. 2, N 2. - P. 220-233.
4. *The Catholic Encyclopedia*, 1913, vol. 12, p. 467.
5. MYERS J.E.B. *Child protection in America: Past, present, a. future.* -Oxford etc.: Oxford univ. press., 2006. - X, 306 p.
6. РГАСПИ, Ф.17.Он.42., Д.80. Л.17-17 об.
7. АП РК. Ф.141. ОП. 1., Д. 5372.Л.22 об.
8. ЦГА РК. Ф.1179. Он.5. Д.1. 192-192.
9. ГАРФ Ф.1235. Он. 141. Д.1533. Л. 139-139 об. Копия.
10. АП РК. Ф.141. ОП. 1., Д. 5372.Л.192-192 об.
11. ГАРФ Ф. 1235. Он.141. Д.1533.Л.140-140 об. Копия.
12. ЦГА РК. Ф.1179. Он.5. Д.1. Л.3-4.
13. ГАРФ Ф. 1235. Он.141. Д.1533.Л.123-122. Копия.
14. ГАРФ Ф. 1235. Он.141. Д.1533.Л. 81. Копия.
15. ГАРФ Ф. 1235. Он.141. Д.1533.Л. 84-85. Копия.
16. ГАРФ Ф. 1235. Он.141. Д.1533.Л. 124-127. Копия.
17. ГАРФ Ф. 1235. Он.141. Д.1533.Л. 7-7 об. Копия.
18. *Голод в СССР 1929-1934: в 3-х томах. Т1: 1929-июль 1934 гг. Кн 2.- Москва, МФД. 2011. 560 стр. 134-135.*
19. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы том 3. Конец 1930-1933. – Москва, Россия, 2000. Стр.639-640.*

References:

1. TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. (n.d.). Fond 81, opis 1, delo 124, listy 15–18.
2. GARF [State Archive of the Russian Federation]. (n.d.). Fond A-413, opis 2, delo 56, list 3.
3. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. (n.d.). Fond 17, opis 42, delo 80, listy 17–17 ob.
4. AP RK [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. (n.d.). Fond 141, opis 1, delo 5372, list 22 ob.
5. TsGA RK. (n.d.). Fond 1179, opis 5, delo 1, listy 192–192.
6. GA RF [State Archive of the Russian Federation]. (n.d.). Fond 1235, opis 141, delo 1533, listy 139–139 ob. (Copy).
7. AP RK. (n.d.). Fond 141, opis 1, delo 5372, listy 192–192 ob.
8. GA RF. (n.d.). Fond 1235, opis 141, delo 1533, listy 140–140 ob. (Copy).
9. TsGA RK. (n.d.). Fond 1179, opis 5, delo 1, listy 3–4.
10. GA RF. (n.d.). Fond 1235, opis 141, delo 1533, listy 123–122. (Copy).
11. GA RF. (n.d.). Fond 1235, opis 141, delo 1533, list 81. (Copy).
12. GA RF. (n.d.). Fond 1235, opis 141, delo 1533, listy 84–85. (Copy).
13. GA RF. (n.d.). Fond 1235, opis 141, delo 1533, listy 124–127. (Copy).
14. GA RF. (n.d.). Fond 1235, opis 141, delo 1533, listy 7–7 ob. (Copy).
15. *Golod v SSSR 1929–1934: V 3-kh tomakh. Tom 1: 1929–iyul 1934 gg. Kniga 2 [Famine in the USSR 1929–1934: In 3 vols. Vol. 1: 1929–July 1934. Book 2]. (2011).*
16. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. Tom 3. Konets 1930–1933 [The Tragedy of the Soviet Village: Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials. Vol. 3: Late 1930–1933]. (2000). Moscow: ROSSPEN.*
17. Crnic, M., & Connolly, C. (2009). "They can't help getting well here": Seaside hospitals for children in the United States, 1872–1917. *Journal of the History of Childhood and Youth*, 2(2), 220–233. [https://doi.org/\[DOI if available\]](https://doi.org/[DOI if available])
18. *The Catholic Encyclopedia (Vol. 12).* (1913). New York: Robert Appleton Company.
19. Myers, J. E. B. (2006). *Child protection in America: Past, present, and future.* Oxford University Press.